

Дмитрий
Мережковский

ЦАРСТВО ЗВЕРЯ II

Александр I

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Царство зверя II. Александр I / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 562 с.

ISBN 978-5-521-77926-0

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

В трилогии «Царство зверя» автор исследует природу и суть русской монархии на широком историческом фоне.

«Александр I» — исторический роман, главными героями которого являются «вольнодумец» князь Голицын, император Александр, его жена Елизавета и незаконная дочь правителя — София Нарышкина, возлюбленная Голицына. История о дворянских заговорах, масонстве, религиозных сектах и, конечно же, о любви позволит читателю раскрыть многие секреты прошлого и по-новому взглянуть на историю России.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	33
Глава четвертая	45
Глава пятая	57
Глава шестая	71
Глава седьмая	81
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ	 95
Глава первая	95
Глава вторая	119
Глава третья	137
Глава четвертая	151
Глава пятая	163
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	 183
Глава первая	183
Глава вторая	197
Глава третья	205
Глава четвертая	215

Глава пятая	227
Глава шестая	243
 ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	 283
Глава первая	283
Глава вторая	295
Глава третья	309
Глава четвертая	323
Глава пятая	351
 ЧАСТЬ ПЯТАЯ	 365
Глава первая	365
Глава вторая	377
Глава третья	393
Глава четвертая	409
Глава пятая	433
Глава шестая	449
 ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	 471
Глава первая	471
Глава вторая	491
Глава третья	517
Глава четвертая	531
Глава пятая	549

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына.

— Поди-ка сюда, карбонар! За ушко да на солнышко. Расскажи, чего напроказил? Что за история с очками? А? Весь город говорит, а я и не знаю, — сказал, подставляя бритую щеку для поцелуя князю Валерьяну, дядя его, старичок лысенький, кругленький, катавшийся, как шарик, на коротеньких ножках, все лицо в мягких бабьих морщинах, какие бывают у старых актеров и царедворцев, — министр народного просвещения и обер-прокурор Синода, князь Александр Николаевич Голицын.

Когда князь Валерьян, после двухлетнего отсутствия (он только что вернулся из чужих краев), вошел в министерскую приемную, большую, мрачную комнату с окнами на Михайловский замок, так и пахло на него запахом прошлого, вечную скукою повторяющихся снов.

На том же месте опустилась под ним ослабевшая пружина в старом кожаном кресле. Так же на канцелярском зеленом сукне стола лежали запрещенные духовною цензурою книги; «О вреде грибов», прочел он заглавие одной из них: грибы постная пища, — догадался, — нельзя сомневаться в их пользе. Теми же снимками со всех изображений Спасителя, какие только существуют на свете, увешаны были стены приемной: лик Господень превращен в обойный узор. Так же рдела в глубине соседней комнаты-молельни темно-красная лампада в виде кровавого сердца; так же пахло застарелым, точно покойническим, ладаном.

— Помилосердствуйте, дядюшка! Вы уже двадцатый меня об этом сегодня спрашиваете, — сказал князь Валерьян, глядя

на старого князя из-под знаменитых очков, с тонкой усмешкой на сухом, желчном и умном лице, напоминавшем лицо Грибоедова.

— Да ну же, ну, говори толком, в чем дело?

— Дело выеденного яйца не стоит. На вчерашнем дворцовом выходе в очках явился; отвык от здешних порядков — из памяти вон, что в присутствии особ высочайших ношение очков не дозволено...

— Поздравляю, племянничек! Камер-юнкер в очках! И свой карьер испортил, и меня, старика, подвел. Да еще в такую минуту...

— Из-за очков падение министерства, что ли?

— Не шути, мой друг, не доведут тебя до добра эти шутки...

— Что за шутки! Завтра к Аракчееву являться. Ежели в крепость или в тележку посадят с фельдъегерем, — только на вас и надежда, дядюшка!

— Не надейся, душа моя! Я от тебя отступился: советов не слушаешь, сам лезешь в петлю. Думаешь, не знает начальство, какая у вас каша заваривается? Все знает, мой милый, все. Погоди-ка, уже выведут вас на чистую воду, господа карбонары... А письмо-то, письмо? Это еще что такое? Откровенничать вздумал по почте? Уж если так приспичило, можно бы, чай, и с оказией...

В перехваченном тайной полицией и представленном государю письме князь Валерьян называл Аракчеева «гадиной». Князь Александр Николаевич ненавидел Аракчеева; не кланялся с ним даже во дворце, в присутствии государя. Князь Валерьян знал, что за это письмо дядя готов простить ему многое.

— Я всегда полагал, ваше сиятельство, — проговорил он с еще более тонкой усмешкой на слегка побледневших губах, — что заглядывать в частные письма все равно, что у дверей подслушивать...

Старик зашикал, замахал руками.

— Если желаете, сударь, продолжать со мною знакомство, извольте выбирать выражения ваши, — сказал он по-французски.

— Виноват, ваше сиятельство, но, право, мочи нет! Вся кровь в желчь превращается. Я понимаю, что можно здоровому человеку привыкнуть жить в желтом доме с сумасшедшими, но честному с подлецами в лакейской — нельзя.

— Вы, очень изменились, мой милый, очень изменились, — покачал головой дядюшка. — И скажу прямо, не к лучшему: эти заграничные знакомства вам не впрок.

«Успели-таки донести, мерзавцы!» — подумал князь Валерьян. Заграничное знакомство был вольнодумный философ Чаадаев, с которым он сблизился во время своего пребывания в Париже.

— Я вижу, дорогой мой, вы все еще не можете освободиться от самого себя и обратиться в то ничто, которое едино способно творить волю Господню, — проговорил дядюшка и завел глаза к небу. — Как блудный сын, покинули вы отчий дом и рады питаться свиными рожками на полях иноплеменников...

«Свиные рожки — конституция», — догадался князь Валерьян.

Долго еще говорил дядюшка об Иисусе сладчайшем, о совлечении ветхого Адама и воскрешении Лазаря, о состоянии Марии, долженствующем заменить состояние Марфы, о божественной росе¹ и воздыханьях голубицы.²

Князь Валерьян слушал с тоскою. «Тюлевый бы чепчик с рюшками тебе на лысинку, и точь-в-точь Крюденерша пророчица!»³ — думал он, глядя на старого князя.

¹ В Св. писании символ блага.

² Образ скорби или кротости.

³ Баронесса Юлия Крюднер (1764—1825) — «пророчица», пытавшаяся воздействовать на Александра I.

— Всякая власть от Бога. Христианин и возмутитель против власти, от Бога установленной, есть совершенное противоречие, — кончил старик тем, чем кончались все подобные проповеди.

— А ведь я и забыл, ваше сиятельство, — успел, наконец, вставить князь Валерьян, — поручение от Марьи Антоновны...

Взял со стола сверток, развязал и подал, не без камер-юнкерской ловкости, шелковую подушечку, из тех, какие употреблялись для коленопреклонений во время молитвы, с вышитым католическим пламенеющим сердцем Иисусовым.

— Собственными ручками вышить изволили. Пусть, говорят, будет князю память о друге верном всегда, особенно же ныне, в претерпеваемых им безвинно гонениях.

— Ах, милая, милая! Вот истинная дочь Израиля! — умилился дядюшка. — Будешь у нее сегодня на концерте Вьельгорского?

— Буду.

— Ну, так скажи ей, что завтра же приеду расцеловать ручки.

В любовных ссорах государя с Марьей Антоновной Нарышкиной князь Александр Николаевич Голицын был всегдашним примирителем, за что злые языки называли его «старою своднею». — «Тридцатилетний друг царев, угождая плоти, миру и диаволу, князь всегда был заодно с царем, в таких делах, о них же нельзя и глаголати», — обличал его архимандрит Фотий.

— И еще порученьице, дядюшка: узнать о министерских делах, о кознях врагов.

— Сам расскажу ей... А, впрочем, вы, может быть, там больше нашего знаете? Ну-ка, что слышал? Рассказывай.

— Много ходит слухов. Говорят, министерства вашего дни сочтены; в заговоре, будто, отец Фотий с Аракчеевым...

— И с Магницким.

— Быть не может! Магницкий — сын о Христе возлюбленный... А ведь говорил я вам, дядюшка: берегитесь Магницкого. Шельма, каких свет не видал, — помесь курицы с гиеною.

— Как, как? Курицы с гиеною? Недурно. Ты иногда бываешь остроумен, мой милый...

— А помните, ваше сиятельство, как исцеляли бесноватого? — спросил князь Валерьян.

— Да, представь себе, кто бы мог подумать? Мошенники... Ну, да что Магницкий! Бог с ним. А вот отец Фотий, отец Фотий, — какой сюрприз!

Сбегал в кабинет и вернулся с двумя письмами.

— Читай.

«Ваше сиятельство, высокочтимый князь! Ты и я — как тело и душа. Сердце одно мы. Христос посреди нас и есть будет», — кончалось одно письмо, от Фотия.

Другое — черновик, ответ Голицына.

«Высокопреподобный отче Фотий! Свидания с вами жажда, как холодной воды в жаркий день. Орошаюсь слезами и прошу у Господа крыл голубиных, чтобы лететь к вам. Воистину Христос посреди нас».

— Ах, дядюшка, дядюшка, погубит вас доброе сердце! — едва удержался князь Валерьян от злорадного смеха.

— Бог милостив, мой друг! Сколько люди меня ни обманывают, а я в дураках не бывал. Так вот и нынче. Министерство отнять хотят. Да я радешенек! Только того и желаю, чтобы на свободе подумать о спасеньи души...

Опять завел глаза к небу.

— У государя — вот у кого доброе сердце, — вздохнул с умилением. — Ну, тот этим и пользуется...

«Тот» был Аракчеев: старый князь так ненавидел его, что никогда не называл по имени.

— Подойдет тихохонько, склонив голову набок, и пригнорится: «Государь батюшка, ваше величество, одолели меня, старика, немощи, увольте в отставку»...

Князь Валерьян взглянул на дядюшку и замер от удивления: мягкие бабьи морщины сделались жесткими, глаза потухли, щеки впали, лицо вытянулось, — живой Аракчеев. Но исчезло видение, и опять сидел перед ним благочестивый проповедник; только где-то, в самой глубине глаз, искрилась шалость.

Вспомнился князю Валерьяну рассказ, слышанный от самого дядюшки, как однажды в юности, еще камер-пажем, побился он об заклад, что дернет за косу императора Павла I. И действительно, стоя за государевым стулом во время обеда, изловчился, — дернул, государь обернулся. «Ваше величество, коса покривилась, я исправил». — «А, спасибо, дружок!»

— Так-то, мой милый, — продолжал дядюшка. — Говоря между нами, это министерство просвещения у меня вот где! Сыт по горло. Не министерство, а гнездо демонское, которого очистить нельзя, — разве ангел с неба сойдет. Все училища — школы разврата. Новая философия изрыгнула адские лжеумудрствования и уже стоит среди Европы с поднятым кинжалом. Кричат: науки! науки! А мы, христиане, знаем, что в злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном греху. И что можно сделать доброго книгами? Все уже написано. Буква мертвит, а дух животворит... Я бы, мой друг, все книги сжег! — закончил он с тою же резвостью, с которою, должно быть, дергал императора за косу.

«Ах, шалун, шалун! — думал князь Валерьян. — Сколько зла наделал, а ведь вот невинен, как дитя новорожденное».

— Ты что на меня так уставился? Аль не по шерстке? Ничего, брат, стерпится, слюбится. Ты еще вернешься к нам...

Посмотрел на часы.

— В Синод пора, два архиерея ждут. Ну, Господь с тобой. Дай перекрещу. Вот так, — теперь не бойся, ничего тебе тот не сделает. А право же, возвращайся-ка к нам, блудный сын!